

Вадим Волков

Общественность: российский вариант концепции гражданского общества**

В западном политическом лексиконе за понятиями *civil society*, *societe civile*, *burgeliche Gesellschaft* стоит более или менее одинаковая концепция гражданского общества. Это вполне оправдано, поскольку английское, французское, немецкое и другие представления о гражданском обществе неоднократно взаимодействовали и скрещивались в истории политической мысли последних полутора столетий. Но самое важное, их родство воспроизводилось единством практик, которые конституировали гражданское общество, таких как экономический обмен, самоуправление и обмен мнениями (публичные дебаты). Соответственно, можно достаточно четко обозначить и общие структурные элементы или институты гражданского общества: свободные ассоциации граждан, рыночная экономика и публичная сфера.

Однако множество недоразумений возникает, как только западную концепцию гражданского общества проецируют на восточно-европейскую и российскую политическую сферу в надежде найти там аналогичные элементы. Но даже если такие элементы - как правило, не без труда - отыскиваются и собираются воедино, то, что получается в результате такой проекции-сборки, напоминает искомый оригинал весьма отдаленно. Отсюда полное отсутствие какого-либо консенсуса среди исследователей восточно-европейской и российской политической сферы в вопросе о том, было ли и есть ли в России гражданское общество. И это несмотря на то, что многие про-диссидентские группы - ака новые левые - с готовностью описывали свою деятельность в терминах гражданского общества.

Теперь эту терминологию иногда доводится слышать и в официальной политической риторике.

Проблема заключается в том, что как только концепция гражданского общества переносится в контекст российской политики, эта концепция оказывается практически пустой, лишенной истории и традиции. Тем не менее, основной тезис данного очерка будет состоять в том, что это не проблема применимости (или неприменимости) данного понятия, а вопрос его адекватного кросс-культурного перевода.

Поясним. Обычная процедура, принятая в политических науках состоит в (как правило, неререфлексивном) вне-контекстуальном переводе понятий, терминов или концепций, которая заключается в том, что определенное понятие, возникшее на фоне определенной политической традиции, берется и - после простого языкового перевода или калькирования - применяется для анализа в другом культурно-политическом контексте. Иными словами, обычная процедура применяет готовую модель, скажем, гражданского общества, для описания другой (потенциально - любой) политической культуры, отыскивая в последней те же элементы, которые составляют оригинал. Языковой перевод в этом случае будет прямым и вообще малозначимым и не зависимым от наличия местной традиции словоупотребления.

В отличие от этого, интерпретативный метод предполагает изначальное внимание к историческому и контекстуальному использованию сходной концепции в другой культуре, и лишь затем выясняет формальные соответствия и несоответствия оригинальной модели. Берутся, таким образом, не модели, а традиции и контексты использования, которые должны быть сопоставимы и сопоставлены исторически, а не формально. Интерпретирующий перевод должен обнаружить искомый эквивалент уже готовым (его не надо придумывать) и подготовленным историей общества. Для того, чтобы перевести определенную концепцию через границы культуры, необходимо найти в другой культуре исконное понятие, сходное по своей историко-практической значимости. Отсутствие такого эквивалента (что тоже вполне возможно) не блокирует исследование, а, наоборот, ставит новую проблему.

Суть дела, однако, не в точности лингвистического перевода. Скорее в данном случае ставится вопрос о соответствии в разных культурах практик, формирующих институты, то есть о типе соответствия, степень которого сможет определить интерпретативный кросс-культурный перевод политических понятий. Возвращаясь к теме гражданского общества, следует отметить, что попытка заимствования термина "гражданское общество" (civil society), с помощью разговоров о нем, была вполне успешной в горбачевский период. Но, хотя заклинание было произнесено, гражданское общество не появилось. За этой попыткой, по-видимому, стояло неявное и наивное убеждение, что заимствование определенной риторики и широкое тиражирование определенного термина будет также способствовать трансплантации соответствующих практик, которые впоследствии кристаллизуются в институты, в частности, в гражданское общество. Нужно быть большим оптимистом, чтобы утверждать, что это произошло на самом деле.

Означает ли все вышесказанное, что мы должны вовсе отказаться от проблематики гражданского общества? Отнюдь нет. Взамен я предлагаю обратиться к специфически российскому понятию гражданства и общественной (публичной) сферы, которое охватывается термином "общественность". В отличие от термина "гражданское общество", термин "общественность" не является столь бессодержательным. За ним стоит двухсотлетняя концептуальная история, разнообразие знакомых употреблений в обыденном языке и, кроме того, ряд практик, которые делают его употребление осмысленным. Таким образом, я попытался сформулировать три онтологических критерия, которые могли прояснить, имеет ли определенное понятие реальное, то есть историко-практическое, содержание.

Во-первых, термин должен иметь собственную концептуальную историю или традицию употребления; во-вторых, он должен быть частью повседневного языка, а не только аналитическим термином социальных наук; в-третьих, он должен обладать прагматическим содержанием, т.е. быть частью определенной формы жизни. Первые два критерия представляют собой переформулировку хорошо известного интерпретативного принципа А. Шютца о соответствии между концептами первого и второго порядка. Третий критерий заимствован из пост-витгенштейновской традиции социального анализа, которая исходит из того, что смысл понятия необходимо должен быть публичным, т.е. понятие обретает

значение лишь на фоне определенной практики или формы жизни (1).

В России термин "общественность" имеет две основных коннотации: первая с абстрактным качеством социальности или социальной солидарности и вторая, с активным социальным субъектом, социально активными группами людей, публикой. Авторство этого термина обычно приписывается Н.М. Карамзину, который ввел его в своих "Письмах русского путешественника" (письмо от 6 апреля 1789, впервые опубликованное в 1791 г.) для обозначения специфического качества человеческой солидарности - духа общественности (2). Более поздние исследования, однако, идентифицировали первое использование этого слова в тексте Радищева 1789 года(3).

Термин принадлежит к так называемой абстрактной лексике. Суффикс "ость", присутствующий в существительных этой группы, придает им обобщающий абстрактный характер, дедуцированный от конкретного качества, выражаемого соответствующим прилагательным (напр., общественный - общественность). Эта абстрактная лексика, которая впервые пришла в славянские языки через переводы греческих литературных текстов, около 863 г. н.э., обычно использовалась для представления абстрактных идей, и ее рост был особенно сильным, начиная с 18 века в связи с развитием науки и литературы (4).

После своего появления в конце 18 в., термин "общественность" на некоторое время - почти на сто лет - был практически забыт. Его употребление не зарегистрировано до 1840-х годов, за исключением перевода в 1817 году А. Фергюсона - "Опыт истории гражданского общества", - где термин *общественность* использовался как перевод понятия - public spirit - (именно в карамзинском значении, *дух общественности*) (5). В то время более часто использовался термин *общество* и в некоторых случаях - *публика*. *Общественность* вновь появляется в словаре разночинцев, литературных критиков и интеллектуалов, принадлежавших к среднему классу. Его можно обнаружить в работах Белинского, Герцена и Огарева. В их употреблении термин означал идею социальной солидарности, специфического качества, формирующегося у людей, живущих в обществе; идея социальности (общественности) также противопоставлялась при этом идее государственной службы. Появлялось также и второе значение. Интеллигенция стремилась противопоставить общественность обществу для того, чтобы отделить себя от светского (аристократического) общества. В терминах такого различия общественность рассматривалась как *прогрессивная* часть общества, состоящая из людей, которые ценили идеи и дела (гражданские поступки), в то время как термин *общество* часто относили к аристократическому обществу, ориентированному исключительно на социальное поведение и хорошие манеры ("хорошее" общество) (6). Такое персонифицированное значение термина *общественность* сделало слово в определенной мере уникальным. Термин, используемый для обозначения абстрактного качества (*социальность*}, теперь начал использоваться для идентификации группы людей, коллективного субъекта или социального агента - подобного публике, но с акцентом на позитивные качества прогрессивности, гражданственности и интеллектуализма. Действительно, едва ли какое другое абстрактное существительное русского языка, кроме слова *личность*, имеет такую историю перехода от обозначения качества к обозначению субъекта. Похоже, что

одновременно с изменением значения слова *общество* - от обозначения конкретного социального собрания к обозначению абстрактного набора правил и институтов, объединяющих все население, - смысл термина *общественность* изменялся в обратном направлении: от абстрактного качества *социальности* к конкретному воплощению этого качества в определенной форме жизни.

Понятие *общественность* становилось все более популярным в связи с двумя новыми процессами, сопровождавшими александровские реформы 1860-х годов. Первый касается развития независимой коммерческой прессы, особенно массовых по тиражу газет (7). Появление массовых газет способствовало распространению практик чтения и сформировало сферу публичной дискуссии, которая объединяла образованные слои общества в некоторое воображаемое сообщество, в читающую и дискутирующую публику. На фоне этого развития общественность стала прочно ассоциироваться с общественным мнением. В свою очередь сфера общественного мнения отчетливо отделялась и часто противопоставлялась государственной (официальной) точке зрения. Так, например, российский либеральный историк рубежа веков, В. Маклаков, озаглавил свои мемуары - "Власть и общественность на Закате старой России". Этим названием он хотел дать представление о двух конкурирующих сферах власти - власти государства и авторитета общества. Таким образом, в российском случае это был первый основной элемент гражданского общества - общественность как публичная сфера (сфера публичных дебатов и общественного мнения). С помощью публичной дискуссии и формирования общественного мнения общественность, воплощающая эти практики, сформировалась как диффузное политическое сообщество, отделенное от государства. Этот аспект общественности развивался в России вплоть до 1917 года.

Второй аспект развития общественности был связан с практиками местного самоуправления. Реформы местных институтов в 1864 году стимулировали развитие земств, местных институтов самоуправления, образования, судебного производства и общественного порядка, а также самообеспечения местного населения, включая медицинскую помощь. Те, кто принимал участие в деятельности земств, также рассматривались как общественность. Созданные для того, чтобы сбалансировать последствия аграрной реформы 1861 года, земства имели значительную степень независимости от центрального правительства и способствовали коллективной социальной жизни. С другой стороны, земство было жестко внеполитическим институтом, участие земств в государственной политике было запрещено. Благодаря практикам земств, общественность стала ассоциироваться с самоуправлением. Земства накопили опыт независимой организации социальной жизни, что является вторым ключевым элементом и практикой гражданского общества. Это движение постоянно развивалось в течение более 30 лет и в 1903-1904 годах стало политической силой, борющейся за конституционные реформы российского общества.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что к началу 20 века общественность ассоциировалась с критическим общественным мнением и группами людей, выполняющих общественные обязанности или работающих на общие нужды - *res publica*, по-русски, дело общественное - за пределами, или помимо, сферы государственных служебных обязанностей. Точно так же, как

бюрократия, например, может рассматриваться как персонификация государства, общественность персонифицировала идею общества.

Теперь логично обратиться к практикам экономического обмена, т.е. к рынку, который объединяет владельцев собственности, - третьему важнейшему элементу гражданского общества. Возможно ли идентифицировать сферу независимой экономической активности в рамках общественности? Это достаточно проблематично в Российском контексте, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, возможности развития капиталистического рынка были ограничены целым рядом причин, рассмотрение которых, однако, не уместается в объем данной экспозиции (8). Во-вторых, возникающая социальная группа экономической буржуазии не идентифицировала себя с общественностью, а напротив, тяготела к альянсам с государственной бюрократией и правыми партиями. Рыночную экономику можно рассматривать как неполитическое основание гражданского общества, в то время как самоуправление и, в особенности, общественная сфера принадлежат к сфере политики. Таким образом, развитие общественной (публичной) сферы в России стало первым и основным фактором формирования гражданского общества. На Западе становление гражданского общества шло в обратном порядке: общественная сфера была завершающим элементом в формировании гражданского общества, артикулирующим политические интересы последнего. Такая историческая инверсия развития российского гражданского общества может стать ключом к пониманию его унаследованной от прошлого нестабильности.

Прежде чем обратиться к дальнейшей истории, рассмотрим, как используется слово *общественность* в обыденном языке. Дискурсивно *общественность* не принадлежит к риторике социальных классов. За этим понятием стоит то, что можно назвать диффузными (размытыми) социальными формами. Довольно затруднительно определить конкретные границы общественности и указать на ее конкретную институциональную принадлежность. Общественность существует в двух основных формах: либо как дискурсивный референт, указывающий на носителя общественного мнения; либо как воображаемый коллективный агент конкретного социального действия или деятельности, причем в том случае, если это действие является добровольным и выходит за пределы профессиональных обязанностей участников. Таким образом, существует два правила, описывающие статус общественности. Во-первых, общественность всегда больше, чем конкретное число людей, находящихся в конкретном месте в конкретное время (т.е. общественность представляет собой виртуальное или воображаемое сообщество). Во-вторых, общественность реляционна конкретным действиям и практикам (т.е. она не имеет статичных или объективных параметров). Общественность конституирована как коррелят коммуникации или конкретного действия. Индивид может считаться частью общественности тогда и до тех пор, пока он или она принимает участие в таком действии. Принадлежность к общественности не является формальной (как членство), скорее это дискурсивная (через мнение) или практическая (через действие) принадлежность.

Попытка возродить общественность была сделана в конце 1920-х годов в связи с проблемой перехода от государства диктатуры пролетариата к так

называемой социалистической демократии (9). В связи с потребностью организовать и расширить социальную базу нового политического режима, общественность стала рассматриваться как средство усиления добровольного участия рядового населения в функционировании местных исполнительных и представительных органов. Механизм советской общественности рассматривался в это время как новая форма управления, которая должна постепенно сменить пролетарскую диктатуру (диктатуру класса) (10). Мобилизация общественности, утверждала С.Смидович, была чрезвычайно необходима для реформирования повседневной жизни; Н. Крупская придерживалась таких же взглядов, утверждая, вполне радикально для того времени, что государство должно постепенно замещаться организованной общественностью (11). Таким образом, в дискурсе 1920-х годов общественность ассоциировалась, в основном, с двумя ролями: общественность была ответственна за формирование народной демократической базы местного управления и должна была стать субъектом повседневного надзора, контролирующим общественный порядок и борющимся с девиантным поведением.

В это же время проводилось множество исследований читательской аудитории и формирования общественного мнения. Вскоре было обнаружено, что государственная пропаганда совершенно не контролировала общественное мнение. В 1929 году была опубликована примечательная монография Н. Кузьмичева "Организация общественного мнения". Это было исследование механизмов формирования и учета общественного мнения, основанное на новых в то время идеях В. Липмана. Кузьмичев пришел к выводу, что общественное мнение формировалось через свободную циркуляцию разнообразных локальных слухов, споров, предрассудков и было не подвластно государственному контролю. В некотором смысле, общественное мнение формировалось независимо, и во многих случаях оно было политически ориентировано. До некоторой степени общественное мнение ограничивало и даже подрывало власть государства, однако, будучи не институционализированным, оно не могло влиять на нее в позитивном смысле.

Во времена Сталина эти идеи не получили дальнейшего воплощения (за, возможно, единственным исключением движения общественниц, 1936-1940 гг.). Понятие общественности, однако, возродилось в конце 1950-х - начале 1960-х годов. Оно ассоциировалось с переходом от государственного управления к общественному самоуправлению и от государственного регулирования общественного порядка к общественному контролю. Такая интерпретация была аналогична значению термина, принятому в конце 1920-х годов (возможны прямые доктринальные заимствования). Потребность в развитии институтов самоуправления и передаче некоторых из государственных функций по обеспечению общественного порядка общественности и коллективам была подчеркнута Хрущевым в докладе на XXI съезде КПСС. Эта идея была впоследствии включена в новую программу КПСС. Специальное постановление от 2 марта 1959 года - "Об участии трудящихся в охране общественного порядка" - обеспечило юридическое основание для создания разнообразных общественных форм самоорганизации, связанных с разными аспектами поддержания общественного порядка и самоуправлением (таких, как добровольная народная дружина - по сути, добровольная полиция; товарищеских судов, разного рода

комитетов общественного контроля и пр.). В этих организационных формах общественность фигурировала, в основном, как воплощение общественного самоуправления, а также как агент общественного порядка и организации совместной жизни граждан. Важно то, что предметом этих реформ было разделение труда между государством и обществом и создание общественных организаций, которые могли бы взять на себя ряд функций, которые ранее выполняло государство. Эти реформы основывались на популярной в то время доктрине о том, что с приближением советской системы к коммунизму роль государства будет уменьшаться постольку, поскольку будет получать распространение и развиваться самоуправление общественности (12).

Движение общественности никогда не было официально запрещено, хотя после отставки Хрущева некоторые из его наиболее яростных защитников были подвергнуты критике. Скорее значение общественности постепенно уменьшалось из-за ее внутренней бюрократизации и утраты всякой независимости от местных комитетов партии. Реальное влияние общественности еще нуждается в анализе. Тем не менее, рассмотрением этих явлений в сфере идеологии и повседневной жизни можно реконструировать исторически укорененное понятие, напоминающее понятие гражданского общества.

Движение 1960-х годов было неполитизированным. Общественная сфера, которая возрождалась в это же время, в большей степени была ориентирована этически, чем политически. Политические дискуссии проходили в частной сфере (кухня), и поэтому здесь мы их не рассматриваем. До сих пор мы рассматривали два основных измерения общественности, соответствующие двум основным элементам гражданского общества: самоуправление и общественное мнение. Третий элемент, который после Гегеля стал доминирующим в западном понятии гражданского общества, а именно рыночная экономика, объединяющая частных собственников, исторически отсутствовал в России. Вместо этого в Советском Союзе действовала разветвленная система сетей межличностных отношений, организованных вокруг распределения и потребления. Эту систему нельзя назвать общественностью. Мы называли ее дружбой, благодетельством, знакомством. Разветвленная система негосударственного (частного) квазиэкономического обмена, ранжирующаяся в этическом смысле, от дружбы до взяточничества и коррупции, действительно была важной формой первичной социальной связи. Эти отношения скрепляли общество вне государства, формируя парадоксальную сферу, которая была одновременно и общей, и частной. Именно поэтому такая сфера могла отрицательно влиять на государство, подрывая и приватизируя его. Тем не менее, эта сфера не могла оказывать никакого конструктивного влияния в смысле определения и корректирования правил легальной экономической деятельности. Таким образом, можно заключить, что эта сфера не способствовала формированию гражданского общества, но скорее способствовала подрыву его возможных оснований, замещая частным потреблением общее коллективное действие. Что произойдет в дальнейшем, будет ли рыночная экономика интегрирована в остаточные структуры гражданского общества, или, наоборот, расцветшая сфера нецивилизованного бизнеса в конечном итоге похоронит останки общественности, - это еще предстоит увидеть. Однако, в целом именно позитивная реконструкция - или даже возрождение - общественности представляется сегодня наиболее

актуальной задачей.

Перевод с английского Е. Здравомысловой.

Примечания

** Данная работа написана в рамках исследования, поддержанного Российским фондом Гуманитарных Наук.

- 1) См. работы P. Winch, H. Dreyfus, C. Taylor, W. Quine, J. Searle.
- 2) Я. Грот. Филологические разыскания. С.-Петербург, 1899, с. 83-84.
- 3) Ученые записки Рязанского педагогического института. N 8, 1949, с. 147.
- 4) Шанский Н. О происхождении и продуктивности суффикса "ость" в русском языке. - В сб.: Вопросы истории русского языка. Московский Университет, Москва, 1959, с. 117-118.
- 5) Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. Т.3. Пер. И.Тимковского, с.223. За эту находку я приношу благодарность Олегу Хархордину.
- 6) Об объяснении социогенезиса этого различия см.: N. Elias The Civilizing Process, Vol. 1, Oxford, 1978, p. 4.
- 7) См. Mc. Reynolds L. News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press, Princeton, 1991.
- 8) См. Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia, Chapel hill, 1982.
- 9) Советская демократия. Ред. Ю. Стеклов, М., 1929.
- 10) Там же, с. 15-19.